


Поиски методики чтения пиктографической письменности

Вернувшись в Москву после первого посещения Каменной Могилы, я основательно засеял за труды о ней вышеназванных авторов и вообще за археологическую литературу¹. Она оказалась очень интересной, и у меня стал складываться постепенно некий исторический контекст, в котором могло развиваться протошумерское письмо. Но главное было — чтение надписей. Ведь по одной счастливой догадке с «Мерит-Сегер» невозможно было судить о характере всей письменности. Однако с чего начать, как распутать сложные лабиринты знаков-образов Каменной Могилы, было неизвестно. У меня, правда, был прежде опыт работы с дешифровкой древнего письма, из которого можно было извлечь какие-то уроки. Имею в виду поиск принципа чтения протоэламской, древней троянской и протошумерской «дунайской» письменности. С их обзора я и начну интродукцию к процессу дешифровки каменномогильских надписей.

1. Загадка протоэламской письменности IV тыс. до н. э.

Летом 1967 г. я, тогда еще начинающий шумеролог, принимал участие в Южно-Туркменской археологической экспедиции, работавшей близ иранской границы. Пятью годами ранее на памятниках Намазги (III тыс. до н. э.), Хануз-дене и Алтын-тене (IV–II тыс. до н. э.) были замечены знаки пиктографического письма². В основном они были начертаны на глиняных статуэтках. Меня привлекли к работе именно с целью проверки предположений касательно письменности, которая в принципе отрицалась ленинградскими ассириологами. Заранее я готовился к ней в Москве, проецируя множество археологических памятников³. И действительно, в раскопках стали обнаруживаться так называемые токинсы — около дюжины мелких, как пальцы человека, цилиндров-статуэток с надписями на плечах. Они были влажные и, увы, моментально рассыпались на солнце. Я не был готов к столь мгновенному обращению в прах этих предметов. Знаки невозможно было не только зафиксировать глазом, но и запомнить их общий вид⁴. Об изучении текстов в такой ситуации и речи быть не могло. Все же тех примерно 35 знаков, обнаруженных ранее на плечах статуэток из обожженной глины⁵, было достаточно, чтобы говорить о наличии письменных знаков в Намазге.

Китаевед А. Сыркина сопоставляла это письмо с протокитайским (II тыс. до н. э.)⁶, а известный археолог В. М. Массон — с протоэламским⁷. Три знака имели явно протошумерский характер: an — ‘небо’, gi — ‘тростник’

или 'праведный', máš₂ — 'козленок'. Некоторые тяготели к пиктограммам эламских Суз и Сиалка, особенно так называемые реснички: bur x bur = urí — 'север' (bur — 'водоем' по-шумерски). Со временем удалось установить соответствие некоторых шумерских знаков с намазгинскими. Например, выяснилось, что знак <<<< елочка » — это клинописный домик , к которому добавлены линии. Они превращались в шумерские знаки gi — 'тростник' и máš₂ — 'козленок'. Так из 35 знаков удалось «перевести» около 30 идеограмм⁸.

Раннее шумерское письмо хорошо известно по архивам Джемдет-Насра⁹, древнее имя которого было, как уже говорилось, Шунун — 'Рука Царицы'¹⁰. Оно относилось к первой четверти III тыс. до н. э. Сопоставление знаков Намазги с шумерскими из Джемдет-Насра показало, что порядок написания первых еще не твердо установлен: знаки могли поворачиваться друг к другу «спиной», и то же имело место в протоэламской письменности конца IV тыс. до н. э. Вместе с тем наблюдалось развитие знаков внутри самой намазгинской письменности. Знаки, найденные на памятниках Намазги V (ок. 1800 г. до н. э.), явно эволюционируют по сравнению со знаками Намазги III и IV (IV–III тыс. до н. э.). Самые последние из них, открытые в 1967 г. — eger, ib, bur, šu, — внешне мало отличаются от архаических шумерских. В целом среди знаков Намазги читаются: ib, urta, eger, gal, gašan, ugun, an, sukud, líl₂, tur₃, sig₇, bar, máš₂, gi, zi, laḥ, sukkał, kašeji¹¹.

В раннем слое Намазга IV наряду с изображением барсов и козлов в керамике зафиксированы письменные знаки: bur.bur = urí 'север'. Смена стилизованных изображений козлов на реалистические, затем появление изображений барсов и, наконец, наличие письменных знаков¹² — данная закономерность характерна не только для ряда стоянок Намазги III–IV в Южной Туркмении типа Хапуз-депе и Улуг-депе, но и для центрально-иранских поселений вроде Сиалка. Условно именуемые племена «барсов», появившиеся в северо-западном Иране в конце V — начале IV тыс. до н. э., достигли Средней Азии, а к началу II тыс. до н. э. — вероятно, и Китая¹³. Модель этой пиктографической письменности отличается от древней шумерской и весьма близка протоэламской конца IV тыс. до н. э., с одной стороны, а с другой — загадочным знакам Камен-н. э.)¹⁴. Согласно Я. Уленбруку, индоевропейцы проникли в Китай ок. 2850 г. до н. э. — при мифическом императоре Фу-Си¹⁵. Если так, то, возможно, на ролейская письменность своей отпечаток и намазгинская, и индоевропейская параллели. Так, намазгинский знак, читаемый по-шумерски¹⁶: šu 'рука' (слой VI), имеет такое же значение в китайской письменности: shou тоже значит 'рука'¹⁷.

Имеются достаточно веские основания думать, что протоэламская, намазгинская, протошумерская и «срубная» письменности вышли из единого источника, сохранявшего свою цельность еще в IV тыс. до н. э. Парал-

дельно этому «восточному» ареалу прайсписьменности (шумеро-индоевропейскому и эламско-протокитайскому) должен был существовать «западный» (протоиндийский, протоегипетский, крито-микено-лувийский). Дифференциация двух ареалов могла произойти до V тыс. до н. э., после разложения изначально единой системы символично-ритуального письма эпохи позднего палеолита.¹⁷ Представление об этой системе дают памятники, собранные в известной книге А. Леруа-Гурана «Предыстория искусства Запада»¹⁸.

Протоэламской письменностью я занялся в начале 1970-х гг., и к 1973 г. проблема ее немного для меня прояснилась. Эта пиктографическая письменность была распространена в конце IV тыс. до н. э. на территории Суз (юго-восточный Иран), Тене-Салка IV (центральный Иран), Тене-Яхья IV (юго-восточный Иран) и, вероятно, в области бытования намазгинской культуры в Средней Азии (Намазга III–IV; слои V и VI индоевропейские).

Протоэламские таблички из Суз (слой С) составляют более 1400 документов и являются самыми древними в рассматриваемом культурном ареале. Около 1400 табличек были опубликованы в прорисях В. Шейлом¹⁹, 19 — известным иранистом Р. Гиршманом²¹, и единицы, уже позднее, — К. Лэмберт-Карловски²². Многие специалисты пытались проникнуть в тайну протоэламской идеографии, но больше других повезло В. Шейлу²³, К. Франку²⁴, В. Хинцу²⁵, Р. де Меквенему²⁶ и П. Мериджи²⁷. Франк и Хинц обнаружили близкую по содержанию надпись на аккадском языке, благодаря чему смогли разобраться в так называемом силлабическом линейном письме правителя Кутик-ин-Шушинака и других монументальных надписях XXII в. до н. э.²⁸ Им удалось также обосновать свою точку зрения, что линейное письмо было изобретением XXII в. до н. э., однако сохраняло архаичную изобразительную форму эламского языка.

Тем не менее, когда вооруженные информацией исследователи пытались проникнуть в смысл протоэламских табличек, их постигла неудача. Казалось, путь был сравнительно простой — перевести силлабемы в идеограммы, найти несходную древнейшую силлабему, имеющую смысловую нагрузку (как в силлабической ассиро-вавилонской клинописи найти идеограммы — осколки прежней шумерограммы) и далее, проходя последовательно по уже знакомым островкам, преодолеть барьер не читавшихся прежде знаков. Но это не осуществилось, и даже правомочность дешифровки линейного письма В. Хинцем была подвергнута сомнению²⁹. Неудача была обусловлена слишком малым количеством значительных памятников XX в. до н. э. и скудостью их языкового состава. Но все же история дешифровки зародила подозрение в том, что протоэламская письменность несет в себе не-эламский язык, в связи с чем эламские силлабемы и не-эламские идеограммы могли не совпадать по символической нагрузке. Необходим был иной путь к раскрытию смысла знаков.

Согласно генеральной сводке Р. де Меквенема³⁰, в протоэламской письменности зафиксировано 5529 знаков, варьирующих в текстах 7364 раза.

Из них наиболее часто (более двух раз!) употребляется всего 619 знаков, которые варьируют уже 2487 раз (1 знак — 4 раза). Если последние являются переменными (часто повторяющимися) знаками, то отношение в вариациях переменных и постоянных знаков будет 1 : 3 (2487 : 7364). Отсюда следует, что в знаках, употреблявшихся не более одного раза, заключена преимущественно смысловая, а не грамматическая нагрузка, а в переменных знаках помимо смысловой нагрузки возможна еще и грамматическая. Например, наиболее часто варьируемые грамматические показатели повторяются при разных, даже единожды проявившихся именах и действиях в стативе. Хотя возможны повторения «глаголов» (в действиях в стативе), которые можно в этом случае отнести к разряду переменных знаков. Зато крайне редка возможность одноразового грамматического показателя. В целом же грамматические показатели тяготеют к переменным знакам, а ритуальные имена — как откровения богов — к одноразовым постоянным знакам.

Казалось бы, на первом этапе исследователи должны были уделить предпочтительное внимание переменным знакам, чтобы определить грамматические показатели и в соответствии с тем работать далее по определению языка. Такой способ дешифровки избрали исследователи протоиндийской письменности Мохенджо-Даро и Хараппы — Ю. В. Кнорозов³¹, Н. В. Гуров³² и др.³³ Им удалось вначале даже получить доказательства существования близкого к эламскому дравидийского языка. Но в протоиндийской письменности обнаружилась сложная система грамматических показателей — в середине III тыс. до н. э. они фиксировались гораздо интенсивнее, чем в тогдашней шумерской пиктографии! Процесс исследования застопорился, потому что в пиктографии грамматические показатели, кроме генитива, стали фиксироваться лишь в последней четверти III тыс. до н. э.

Анализ частотности употребления знаков в шумеро-вавилонском письме, проделанный моими учениками в 1967–1972 гг.³⁴, обнаружил довольно четкую тенденцию к увеличению процента применения определенных знаков при грамматической нагрузке: в шумерском языке знаки: *a-* (фиксационно-генитива или локатива), *mu-* (глагольный префикс), *-bi* (показатель социально-пассивного местоимения) и детерминативы богов; а в ассиро-вавилонском языке знаки: *-a*, *-ra*, *-ta* и *ù₃*.³⁵ В протоэламской письменности столь высокого процента их употреблений (свыше 2%) нет. Среди переменных знаков выделены следующие (номера даны по Р. де Меквенему):

1. № 1219, 1220, 1223, 1221–1224	4,16% (104 раза)	
Всего в общем употреблении		1,41%
2. № 1040, 1037, 1041	4,08% (102 раза)	1,38%
3. № 3662, 3661, 3667	2,36% (59 раз)	0,80%
4. № 3520, 3551, 3547, 3552	2,08% (52 раза)	0,70%
5. № 3486, 3487, 3491	1,98% (48 раз)	0,65%




Из приведенного списка явствует, что эти знаки в общей доле всех 7364 разо-знаковых употреблений имеют столь малый процент, что приходится говорить скорее о намечающейся тенденции к грамматическим нагрузкам, чем о грамматических показателях.

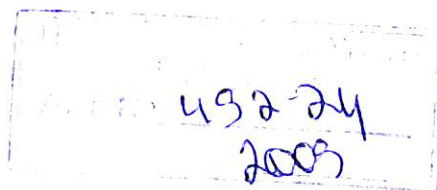
Кроме того, анализ частотности употребления знаков в шумеро-вавилонском языке обнаруживает явную тенденцию к повышению процента разо-употреблений в динамике от раннего времени к позднему. Значит, можно предположить, что архаическое состояние шумерской письменности могло характеризоваться столь же низким процентом разо-употреблений знаков, как в протоэламской. Это было задолго до правления Ур-наини и Уруквагины (2500–2300 гг. до н.э.) — эпохи, когда в шумерской письменности стали фиксироваться грамматические показатели. Отсюда следует, что протоэламская письменность могла быть идеографической, с намечающейся тенденцией к грамматикализации.

Тогда возникает вопрос: идти ли в дешифровке по проторенной стезе — анализа переменных знаков с большей грамматической нагрузкой (как в письменности II–I тыс. до н.э.) или же по новому пути обнаружения знаков, обладающих семантической нагрузкой? Второй путь предполагает наличие способа «узнавания» знаков-картинок (символов) в соответствии с тенденцией их упрощения в идеограммы. Например, идеограммы-картинки превращаются в клинописные классические идеограммы (шумерограммы), а затем (во II тыс. до н.э.) — в силлабемы (слоγοграммы). Если неходить из изоглоссы развития знака от силлабемы к шумерограмме, а затем к раннешумерской пиктограмме-картинке и далее в глубь веков, то при известной доле воображения можно предвидеть «картинку» протошумерской пиктограммы, еще не обнаруженной исследователями.

Я остановился именно на втором — определении знака по протообразу, выявлении его смысловой нагрузки и лишь затем — прочтении его фонетического образа.

До сих пор специалисты, работавшие над протоэламскими табличками, проводили свои изыскания отдельных, внешне похожих знаков письменностей (известной и неизвестной), отождествляя их. Однако выдергивание отдельных знаков из контекста образно-символической фигуры было малопродуктивным. Более надежным мне представлялся способ сопоставления — на начальной стадии анализа — не отдельных знаков, а целых блоков-систем идеографической письменности.

Из каких составных элементов строятся пиктограммы шумерской, протоэламской и древнекитайской письменности? Что их роднит? Их роднит прежде всего внешнее и внутреннее оформление знака. Так, в шумерской пиктографии знак *paḡ* 'возливать'  состоит из двух элементов: знака *ka* 'рот' , который выступает его внешним оформлением, и знака *A* 'вода' , который является его внутренним наполнением. нечто подобное находим и в древнекитайской письменности. Например, знак



𒄠 shàn 'резь', 'колики' имеет в качестве внешнего оформления знак 𒄠 shuáng 'болезнь' и в качестве внутреннего наполнения знак 𒄠 shan 'гора', 'могила'³⁶. В китайской иероглифике первое со временем превратилось в фонетический ключ — таких ключей в языке теперь имеется до 214. И в протоэламской письменности зафиксирована двойственная структура знака. Однако по сравнению с шумерской протоэламская пиктография, подобно китайской иероглифике, усложнена за счет введения третьего элемента — наружной приставки к внешнему оформлению. Например, внутренний знак 𒄠 kǎo 'кашель', 'удушье' становится 𒄠 qǎo 'искусный', 'умелый' (шумер. me 'предопределение'). Наличие приставки сближает протоэламское письмо, отнесенное нами к древнейшему «восточному» ареалу, с «западным». Аналогичный элемент имеется в протоегипетском письме, в котором, кстати, отсутствует внутреннее наполнение знака. Так, древнеегипетское обозначение Лпофи wbr 𐀀𐀁𐀂 имеет чтение *wbr 𐀀𐀁𐀂, где из приставок выросли фонетические «прочтения». Ср. 𐀀𐀁 Wbnw (точнее wbn^mw) 'рана на человеческом теле', где детерминатив 𐀀 стал как бы приставкой wbn вместо фонетических знаков 𐀀𐀁.

Структура шумерской пиктограммы также двойственна. У нее есть внешнее оформление и внутреннее наполнение. Внешний знак-оформитель может включать до 63 внутренних знаков-наполнителей. Типичный пример: gá₂ 'загон для случки овец' имеет 63 разновидности, то есть содержит 63 знака-наполнителя. Но обычно внешний знак-оформитель содержит меньше сорока знаков-наполнителей: ka 'рот' — 39, ezen 'праздник' — 35, nigin 'вокруг' — 32, ninda = gur, 'куча' — 32. В процессе развития письменности совокупность знаков-оформителей и знаков-наполнителей обрела гнезд, охватывающие собой всю систему шумерской пиктографии. Гнезд в ней насчитывается 74. Они включают более 2000 знаков, чуть меньше половины всех шумерограмм. При этом нужно иметь в виду, что к середине III тыс. до н. э. система гнезд уже пресбывала в состоянии распада из-за ускоренного развития полифонии знаков, что в конце концов и разрушило шумерскую пиктографию. Полифонизация свела на нет всю когмо-дравидийской семье языков) и привела к ликвидации гнезд в культовой символике народов на их азиатской территории.

Принимая во внимание значимость системы гнезд, можно допустить, что протошумерская письменность, сохранившая к моменту фиксации 2001 знак, должна была содержать на самом деле 4662 знака (74 x 63), то есть почти всю шумерскую пиктографию с ее 4800 знаками, включая полифонические разновидности. Полифония охватывает более 2267 разновидностей шумерограмм, перечень которых приводится ниже.

1. ku — 49, ud — 38, bad — 32, PA — 28, mes — 28, diš — 27, nigin₂ — 26, ni — 25, igi — 22; всего 275 значений.

- im, du, ne, kal — 19, tar, ka, daban, gar — 18, gud — 17, an, u, hi — 16, gán₂, kur — 15 — всего 260 значений
- 23 знака, от 11 до 14 разновидностей каждый — всего 2⁷⁹ значений.
- 13 знаков с 10 разновидностями каждый — всего 130 значений.
- 17 знаков с 9 разновидностями каждый — всего 153 значения.
- 20 знаков с 8 разновидностями каждый — всего 160 значений.
- 21 знак с 7 разновидностями каждый — 147 значений.
- 27 знаков с 6 разновидностями каждый — 162 значения.
- 48 знаков с 5 разновидностями каждый — всего 240 значений.
- 74 знака с 4 разновидностями каждый — всего 296 значений.
- 125 знаков с 3 разновидностями каждый — всего 375 значений'' и т.д.

Отсюда следует, что 479 знаков имеют 2746 полифонических разновидностей, а 2267 являются «чистой полифонией» без основных значений (2746 – 479 = 2267)

Итак, мы имеем 2001 знак из системы гнезд и более 2267 знаков полифонической разновидности. Они-то и охватывают собой всю реальную шумерскую пиктографию середины III тыс. до н. э. (4268 знаков из 4800). Гипотетически же протошумерская система гнезд должна была включать около 4662 знаков. Лишь впоследствии она была разрушена полифонизацией, приведшей после распада гнезд к образованию из ее осколков полифонических пучков, система которых столь удачно разовьется потом в китайской иероглифике. Полифонизация протошумерской системы гнезд очень медленно развела внешнюю оболочку сложных знаков в целом гнезде, а затем разрушала и внутреннее наполнение — до тех пор, пока полностью не уничтожила гнездовую структуру.

Представим себе систему гнезд шумерской пиктографии по параметрам ее внешнего оформления (по вертикали) и внутреннего наполнения (по горизонтали). При этом необходимо иметь в виду постепенно убывающую частотность вписывания во внешние знаки (их 74) внутренних (их число сокращается с 63 до 3 раз). Получаем таблицу-матрицу реальной шумерской идеографической системы на середину III тыс. до н. э.

74 знака-*оформителя* идут в порядке убывания в них вписываемых знаков:

1 gá ₂ — 63	6 ku — 28	11 šu — 22	16 ú ₂ — 19	21 sal — 14
2 ka — 39	7 ta — 25	12 še — 21	17 PA — 18	22 mes — 14
3 ezen — 35	8 dùg ₃ — 23	13 lú ₂ — 20	18 ab — 17	23 gú ₂ — 12
4 nígin ₂ — 32	9 dag.kisim ₅ — 23	14 a — 19	19 sag — 16	24 ki — 12
5 gur ₃ — 30	10 uru — 22	15 giš — 19	20 u — 16	и т. д. ³⁸

Это знаки, отвечающие насущным потребностям человеческой жизни: 'загон' (для скота), 'рот', 'праздник' и др.

63 внутренних знаков-*наполнителей* идут по принципу убывания частотности их вписывания во внешние:

1. a — 25	7. ħa — 13	13. gar — 11	19. ħal — 10	25. ga — 8
2. nir — 17	8. dūg ₃ — 12	14. gunu — 11	20. sal — 10	26. mes — 8
3. bad — 14	9. ne — 11	15. an — 11	21. me — 10	27. gán ₂ — 8
4. dū ₃ — 14	10. nígin ₂ — 11	16. kur — 11	22. eš — 9	28. igi — 8
5. še — 14	11. u — 11	17. ezen — 10	23. mi — 9	29. lu — 8
6. ud — 14	12. ku — 11	18. ki — 10	24. erim — 9	и т. д. ³⁹

Аналогичным образом можно выстроить и систему гнезд протоэламской письменности. Согласно Р. де Меквенему, 103 гнезда, охватывающие 5529 знаков, располагаются в следующем порядке:


























1. № 2702–2951 (250зн.)	8. № 4970–5111 (142зн.)	15. № 3137–3219 (83зн.)
2. № 3406–3631 (226зн.)	9. № 1030–1166 (137зн.)	16. № 1191–1270 (80зн.)
3. № 3831–4047 (217зн.)	10. № 720–803, 831–882 (135зн.)	17. № 1950–2024 (75зн.)
4. № 1465–1672 (208зн.)	11. № 5405–5529 (125зн.)	18. № 2220–2229 (73зн.)
5. № 3632–3830 (199зн.)	12. № 38–135, 156–162 (104зн.)	19. № 302–373 (72зн.)
6. № 2373–2552 (180зн.)	13. № 4048–4137 (90зн.)	20. № 954–1024 (71зн.)
7. № 554–708 (155зн.)	14. № 3214–3300 (87зн.)	и т. д. ⁴⁰

Разумеется, приведенный расчет может интересовать лишь узкий круг специалистов, но он показывает некоторые закономерности развития протоэламского письма. Во-первых, число гнезд в протоэламской письменности существенно превышает их количество в шумерской (103 против 74). Кроме того, уже отмечалось наличие приписного слога (приставки) к знаку-оформителю, что почти полностью исчезло в шумерской письменности. В-третьих, протоэламская письменность имеет сравнительно слабое развитие переменных знаков. Все это — показатели более архаического характера протоэламской пиктографии, зародившейся, очевидно, в верховьях Евфрата на пулурском этапе⁴¹. Этому заключению не противоречит радиокарбонная датировка Ападаны в Сузах (Элам): 3452 ± 70 лет до н. э.⁴²

Однако дальнейшее изучение системы гнезд в протоэламской письменности обнаруживает большое количество аллографов, то есть синхронных вариантных форм. Кроме того, далеко не все гнезда, выделенные Р. де Меквенемом, типичны для шумерской системы. Более 20 из них (из выше определенных 103 гнезд) уже не имеют принципов гнездового оформления и являются либо распавшимися, либо заимствованными из другой системы⁴³. И что любопытно, в числе этих 20 нестандартных гнезд оказались почти все известные знаки намазгинской письменности.


























Общее число оставшихся протоэламских гнезд сводится к 83 (103–20), что приближает их к шумерским (74 знака). Отсюда можно заключить, что протоэламская письменность не намного древнее протошумерской. Вероятно, она возникла в V–IV тыс. до н. э. Построение матрицы для протоэламской письменности — по модели шумерской — позволило определить в черпаны.

Ниже приводится список наиболее употребительных знаков, внешних и внутренних. Знаки-оформители располагаются по принципу убывания частотности вписывания внутренних знаков.






1		164	2		20	3		16	4		14	5		13
6		41	7		20	8		16	9		14	10		13
11		33	12		20	13		15	14		14	15		13
16		28	17		18	18		15	19		13	20		13
21		25	22		17	23		15	24		13	25		12

вариантов и т. д.⁴⁴

Знаки-наполнители следуют в таком порядке.





1		32	6		23	11		18	16		12	21		10
2		29	7		22	12		15	17		11	22		9
3		27	8		21	13		14	18		11	23		9
4		25	9		18	14		14	19		11	24		9
5		23	10		18	15		13	20		10	25		9

знаков и т. д.⁴⁵
















При сопоставлении моделей-матриц обеих письменностей обращает на себя внимание однотипное поведение определенных знаков-гнезд в них. Как в шумерской, так и в протоэламской пиктографии эти знаки имеются в обеих сериях: они выполняют функцию и знаков-оформителей, и знаков-наполнителей. Например, в шумерской письменности это знаки ka (№ 2 и № 78), šu (№ 11 и № 37), lu₂ (№ 13 и № 95), u (№ 20 и № 11), sal (№ 27 и № 50) и т. д. В протоэламской пиктографии подобным образом ведут себя знаки:  (№ 3 и № 67),  (№ 6 и № 26),  (№ 7 и № 40),  (№ 17 и № 3),  (№ 22 и № 29) и т. д.

Таким образом, ряд знаков в обеих письменностях получает определенные места, в которых порядковый номер оформителя не совпадает с номером наполнителя. Несовпадение варьирует от очень больших до весьма коротких дистанций, выявляя тем самым своеобразные «ножницы». Пульсация ритмов «ножниц» в модели-матрице четко фиксируется и может быть изображена графически. Поэтому при сравнении двух моделей представляется наиболее важным верно определить однотипные ритмы пульсаций в обеих письменностях.

На этом пути исследователь может столкнуться с неверным отождествлением однотипных гнезд — следствием не доведенной до конца «утрастки» протомодели письменности. Чтобы избежать таких прецедентов, необходимо включать то или иное гнездо в возможно более широкий семантический контекст. Обе матрицы, шумерская и протоэламская, по гнездовому принципу могут подразделяться внутри на 6 групп. Данная разбив-

ка необходима для определения графического соотношения «ножниц» внутри каждой группы в обоих случаях. Тогда глобальные ошибки могут свестись к локальным и будут изъяты случайные — «блуждающие ножницы». Внутри каждой группы должна просматриваться «пульсация ритмов» отдельных знаков и фиксироваться отклонения в характере наполнителя (внутреннего строения знака) — не по общему порядковому номеру, а по принадлежности к определенной группе. Например, шумерский знак  ka, занимающий 2-е место в ряду оформителей и 78-е в ряду наполнителей, попадает в 1-ю группу оформителей и 6-ю наполнителей. В протоэламской письменности ему соответствуют два знака:  (1 и 50 места, I и IV группы) и  (3 и 67 места, I и VII группы). Из этих двух знаков следует отдать предпочтение второму () , поскольку в данном случае совпадают и группы, и графические образы.

Теперь рассмотрим всю систему вариаций «ножниц» в обеих моделях письменности, при этом в первом столбике схемы разместим известные шумерские знаки, а во втором — неизвестные протоэламские. Ритуальная семантика их предполагается идентичной. Римскими цифрами в колонках обозначены группы знаков, арабскими — их место в матрицах (сначала место оформителей, затем наполнителей). Шумерские знаки даются в транскрипции, протоэламские — в пиктографии.

1. I – VI, 2 – 78	ka	I – VII, 3 – 67		(ka) 'пот'
2. I – II, 8 – 8	dùg ₃	I – II, 4 – 9		(h _i , dùg ₃) 'благо'
3. I – III, 3 – 17	ezen	I – IV, 6 – 26		(ezen) 'праздник'
4. II – I, 14 – 1	a	II – II, 9 – 12		(a) 'вода', ср. 'жрец'
5. II – II, 20 – 11	u	II – I, 17 – 3		(u) 'старейшина'
6. III – V, 27 – 50	gal	III – V, 22 – 29		(gal) 'великий'
7. III – IV, 34 – 42	bar	III – V, 25 – 34		(bar) 'внешний'
8. IV – VII, 36 – 94	áb ₂	IV – VIII, 30 – 60		(áb ₂ , lid) 'корова'
9. IV – V, 41 – 52	kas	IV – VI, 31 – 50		(kas) 'странствие'
10. IV – V, 49 – 53	hu, mušen	IV – VII, 34 – 28		(hu) 'птица'
11. IV – VI, 62 – 66	ur	IV – VII, 36 – 44		(ur) 'собака'
12. IV – II, 38 – 3	bad	IV – I, 27 – 4		(bad) 'мертвый'
13. IV – II, 53 – 13	gar	IV – I, 33 – 7		(gar) 'клясть'
14. V – III, 55 – 21	me	V – II, 41 – 20		(me) 'предопределение'
15. V – VII, 64 – 96	su, kuš	V – IX, 44 – 68		(kuš) 'кожа'

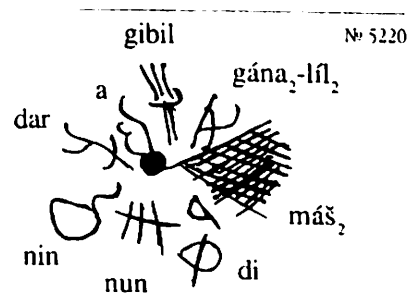
Таким образом, на мой взгляд, можно дешифровать неизвестную письменность посредством сопоставления матрицы ее знаков с матрицей читаемого древнего языка. Опора на переменные знаки, несущие в себе грамматические показатели, представляется гораздо менее надежной (несмотря на всю ее популярность у дешифровщиков), чем опора на знаки-оформители. Пример с протоэламским языком показал, что идентичные смыс-

ловые нагрузки несут именно те знаки обеих письменностей, у которых идентично внешнее оформление — «каркас», «структура». Переменные же знаки, отражающие грамматические показатели, в арханческих письменностях часто выражены очень слабо и могут практически не улавливаться.

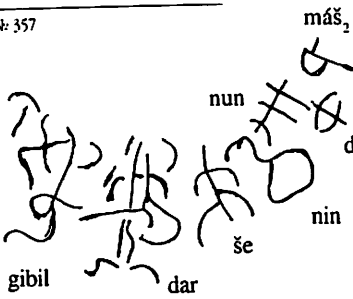
2. Была ли пиктографическая письменность в Трое?

Вопрос о существовании троянского письма был поднят в свое время еще Г. Шлиманом, нашедшим на ряде памятников знаки, отличающиеся от фигуративных или символических изображений⁴⁶. Г. Шлиман был чрезвычайно заинтересован в их дешифровке, поскольку он страстно стремился найти подтверждение тому, что открытый им город — Троя. Не владея древневосточными языками (европейских он знал в совершенстве 18), он обратился к знатокам — ассириологам, в частности, к англичанину А. Сэйсу⁴⁷. Тот пытался найти ключ к дешифровке сначала в кипрском, затем в критском линейном письме, но вышли разногласия с другими специалистами, и зашедший в тупик вопрос благополучно сошел на нет⁴⁸. Тем не менее целый ряд пряслиц — грузиков, применяемых при ткачестве для натяжения нитей, — носит на себе явно письменные знаки. Было найдено огромное количество пряслиц — более 8000⁴⁹, так что у специалистов возникли сомнения в назначении их, и сейчас слово пряслице начинают брать в кавычки. В настоящее время письменность Трои периодов I–V (3500–1800 гг. до н. э.) состоит примерно из 46 надписей и 92 идеограмм⁵⁰. Надписи древнейшей Трои, Трои I, весьма специфичны. Они связаны во многом с характером сосудов, несущих на себе так называемые лицевые маски⁵¹. Эти сосуды, как показывает их дальнейшая эволюция, понимались как антропоморфные образы женского божества (очевидно, Великой богини). Они теснейшим образом связаны с архаической анатолийской системой знаков-образов, с которой мы встречаемся, например, в Пулуре (восточная Анатолия)⁵². Выше говорилось, что к Пулуре мы возводим, за неимением других данных, истоки протоэламской письменности. Это особый вопрос, который в настоящее время не может быть затронут сколь-либо глубоко.

В данном случае хотелось бы отметить, что троянские надписи эпохи Трои II (2600–2450 гг. до н. э., по датировке М. Корфманна) несут явные признаки родства с протошумерскими. Собственно, они без особого труда могут быть прочитаны. Это касается особенно знаков на некоторых пряслицах. Так, транскрипция пряслица № 5220 по каталогу Х. Шмидта⁵³ «Собрание троянских древностей Г. Шлимана» (Берлин, 1902) выглядит следующим образом: 1/2 nin-dar-a(!) gibil-gána₂-líl₂ nun máš₂-di. Перевод ее звучит так: 'Ниндара (на) Огненном поле (духов) лилла-закику (для) Царицы (преисподней) (творит) Суд Козленка'. Близкую по форме и по смыслу надпись имеет пряслице № 357⁵⁴: nun máš₂-di še-nin-dar-a-x gibil-x-x 'Царице (по) Суду Козленка зерно

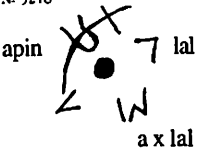


№ 357



Ниндара в огне...'. Хорошо читается и надпись на пряслице № 5218⁵⁵: A x lal apin-lal '(В) связанной воде (и) плуг связан'. Четвертая надпись фигурирует на глиняном сосуде из Трои II⁵⁶ (№ 33): alad tuku nun rab-udu rab-mušen rab-mar rab-ḥumun(-saru) '(Быки) аладу имеют(ся) (для) Царицы (преисподней) (это), (а также) прародитель овец, прародитель птиц, прародитель червей, прародитель Хумун(-Сару)'.

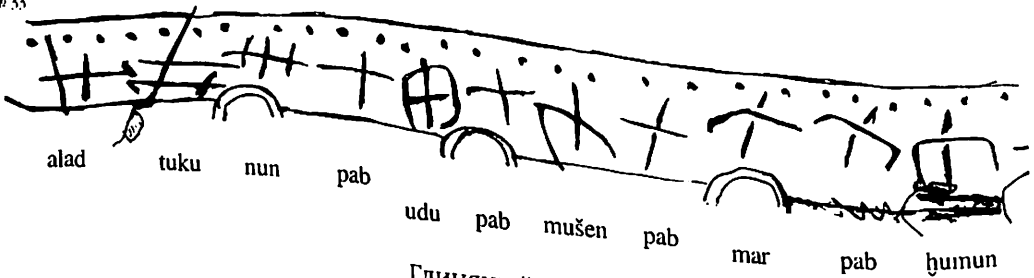
№ 5218



Разумеется, эти надписи мало понятны нам сегодня, как и вообще все древние тексты. Они насквозь ритуальны и касаются совершенно неизвестных нам сторон архаической жизни. И все же очевидно не только включение в них имен шумерских богов, собственных (Ниндара) и иносказательных (Царица преисподней), но и упоминание обычных ритуальных формул шумерских текстов типа 'воду связывать', 'Суд Козленка'. Таким образом, после перевода транскрипции необходимо сделать возможные комментарии в контексте шумерской ритуалистики, и сообщение может быть осмыслено относительно полно.

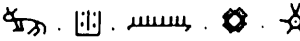

Но прочтение других троянских знаков и надписей требует весьма значительных усилий. Смысловой интерпретации поддается определенная часть троянских пряслиц. При анализе системы символических изображений, представленных на пряслицах, необходимо учитывать, что если они применялись в ткачестве, то были связаны с нитью. А нить в архаической мифологии не понималась чисто прагматически — она воспринималась как нить судьбы, человеческой жизни (ср. gu-ti 'нить жизни' у шумеров). Нить проходила внутри, через центральное отверстие, а само пряслице, имевшее обычно биконическую форму, украшалось символическими знаками и образами. Дисковидная в плане вещь (в Трое известны и дисковидные пряслица, как, например, пряслице из горного хрусталя из клада I)⁵⁷, она связывалась с образом космоса, с сотворением мира. Уже эти внешние параметры заставляют полагать, что принцип орнаментации пряслиц — под орнаментацией имеются в виду знаки, нанесенные на внешних сторонах вещи — мог быть связан с неким законченным циклом времени-пространства (бытия). Есть круговой обход, который совершают эти «орнаменты» на пряслице, и он должен заключать в себе определенную метафо-

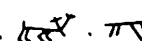
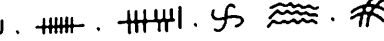
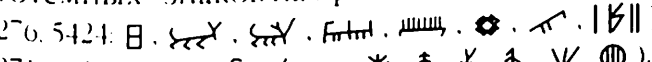

№ 33

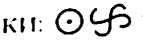
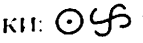
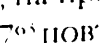
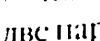
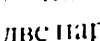
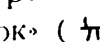
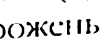
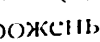
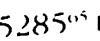
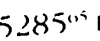
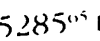
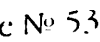
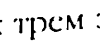
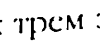
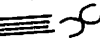
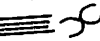
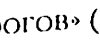
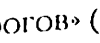
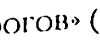
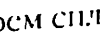
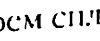
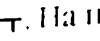




Глиняный сосуд из Трои II

































ру жизни «человеко-года» (стиха китайск. gōng 工 'человеко-день', шумер. 𒀭 РА 'крыло', в системе РА-ii, 'преступный' — после 'праведных лет': mu-gi).
















Исходя из этих предпосылок, обратимся к рассмотрению символики и идеографики изображений. На ряде пряслиц (№ 5238, 5233, 5227, 5258, 5267, 5270, 5421)⁷¹ имеются тетрады однородных символов, вызывающие ассоциации с тетрадами тотемных образов на донцах чаш Самарры VI тыс. до н. э.⁷² На названных пряслицах четырежды повторяются следующие знаки: . На других пряслицах (№ 5206, 5205, 5203, 5026, 5031, 5282)⁷³ встречаются четверки иных символов: . К настоящему времени мною выделено 13 таких тетрад, которые я условно назвал «тотемными». Учитывая характер и структуру росписи архаических ваз Передней Азии, я мыслил, что такие символы являются иноскажательными знаками для прежних «образов», выступавших в качестве «столпов мироздания».

Было заметно, что четверки, или тетрады, присущи отнюдь не всем композициям на пряслицах. Нередко знаки встречаются в форме триад (№ 5234, 5235, 5236, 5237, 5239, 5240, 5259, 5264, 5274, 5418, 5435), включающих 'козла', 'козу' и 'козленка' () в разных вариациях, или пяти особых знаков (). Иногда ряд однородных «тотемных» знаков на пряслице может возрастать до пяти (№ 5231, 5256, 5245, 5276, 5424: ) и даже до шести (№ 5253, 5266, 5271, 6430: ).

Помимо увеличения или сокращения «тотемных» знаков, необходимо отметить примеры вписывания при триадах или тетрадах новых знаков, мо отметить примеры вписывания при триадах или тетрадах новых знаков, составляющих трехчленное чередование. Так, на пряслице № 5283⁰¹ трижды повторяются знаки: ; на пряслице № 5251⁰² возникает даже лигады повторяются знаки: ; на пряслице № 5247⁰³ повторяются дважды «коза» () и «козленок» (), а кроме них — две пары соединенных «рогов» (), затем руют три «козла» и «козленок» () от четырех сплетенных (). Причем они отгорожены «рекой» () от четырех сплетенных («рогов» () при «рогов» (). На пряслице № 5285⁰⁵ к трем сплетенным «рогам» () прибавлен знак , а на пряслице № 5316⁰⁶ к трем знакам «елочки» () приписаны ттт. На пряслице № 5252⁰⁷ к трем знакам «елочки» () приписаны ттт. На пряслице № 5248⁰⁸ к двум знакам  и сдвоенные  после . На пряслице № 5248⁰⁸ к двум разным знакам сплетенных «рогов» () приписан «козленок» (). На пряслице № 5284⁰⁹ к четырем сплетенным «рогам» добавлен сокращенный вариант «козленка» (?) ттт. На пряслице № 5490⁷⁰ к шести сдвоенным знакам  приписан знак  при знаке .

Приведенные примеры позволяют думать, что знак, вписываемый в символическое «тотемное» поле, является ничем иным, как идеографическим знаком. На троянских пряслицах таких знаков 12:  (№ 5296)⁷¹,  ким знаком.











(№ 5307)⁷²,  (№ 5308)⁷³,  (№ 5318)⁷⁴,  (№ 5323)⁷⁵,  (№ 5325)⁷⁶,  (№ 5327)⁷⁷,  (№ 5328)⁷⁸,  (№ 5329)⁷⁹,  (№ 5332)⁸⁰,  (№ 5339)⁸¹,  (№ 5340)⁸². К ним тяготеют два условных знака  (№ 5315)⁸³ и  (№ 5316)⁸⁴. При этом характерно, что в символическое поле тетрад (а иногда и триад: № 5307⁸⁵, 5308⁸⁶, 5323⁸⁷, 5328⁸⁸ — или пентад: № 5332⁸⁹) «тотемного» символа  вписываются идеограммы , , , а в поле символа ,  — идеограммы , . И, наконец, в символограммы , , , , с, , , вписываются идеограммы , , , , , .

Замечаются закономерности и другого рода. Отверстие пряслица может оставаться не оформленным (•)⁹⁰ или обводиться концентрическим кружком (⊙)⁹¹, или же оформляться кружком с радиальными лучами (⊗)⁹². С разными типами декора отверстий связаны разные идеограммы. В первых двух случаях идеограммы носят явно протошумерский характер, хотя они группируются по-разному. В пряслицах первого типа доминируют идеограммы  ra (dùg, x si 'бить'),  bar 'внешний', 'определять',  še 'зерно ячменя',  hal, bulug 'разбивать',  zab, erim, erin, 'связка (группа) воинов',  tab 'сдвоенный',  = a 'вода', 'семя'. В пряслицах второго типа фигурируют  si 'рог', 'насыпать',  rab 'предок-правитель', или kùr, 'изменить порядок',  символограмма máš, 'козленок'. В пряслицах же третьего типа, где отверстие оформлено в виде лучевого диска (⊗), присутствуют знаки преимущественно не-шумерского характера, за исключением  bar 'внешний'. Знак , вероятно, обозначал 'человек' (ср. древнеегип.  § §)⁹³. Знак  'коза' (ср. древнеегип. wnd.w  § §)⁹⁴. Параллели с древнеегипетским показательны для установления родства языков на архаической стадии развития.

Таким образом, при рассмотрении письменных данных Трои I–V вырисовывается принцип эволюции — последовательной смены трех разных видов письменности: 1) протоэламской в пулурском варианте, пришедшем Трое I (3500–2600 г. до н. э.); 2) протошумерской в Трое II–IV (2600–2300 г. до н. э.); 3) зачатков новой системы письма, условно обозначаемого как протоегипетско-лувийско-критское. Некогда, на уровне культур Хаджилара-Бейджесултана (V–IV тыс. до н. э.), оно могло быть связано с протоэламским (в пулурском варианте), там же мог зародиться и принцип вписывания знаков.

Этот «протолувийский» этап примерно на уровне 2300 г. до н. э. должен был иметь контакты с протошумерской письменностью. Так, в протолувийском языке направительно-локативная частица ke близка к шумерской слитограмме родительного и направительного падежей ke₄, хотя в дальнейшем чтение одних и тех же идеограмм в протошумерском и протолувийском разошлось: kug и sa, duḥ и wasu и т. д. Далее мы представляем схему наглядно демонстрирующую процесс расхождения некогда близких знаков протошумерской и протолувийской письменности. В левой колон-

ке — 5 из 12 наиболее употребительных троянских идеограмм, справа — протодувийских

•		ra		ro
•		še		te
•		si		do
•		du,		te(?) sa
•		š		je ⁶⁶

Уже сам факт вписывания одного-единственного идеографического знака в «тотемное» поле троянских пряслиц говорил о наличии в троянском менталитете определенной ритуальной идеи. Семантика идеограмм имеет такую же направленность. Здесь фигурируют ra 'бить', hal, bulug 'разбивать', kūr, rab 'изменять', si 'насыпать', tab 'сдвигать', a 'вода', še 'зерно ячменя', epim 'связка (трав, воинов)', māš, 'козленок', bar 'внешний'. Можно добавить отнесенные нами к протоегипетским знакам š 'человек' и wnd.w 'коза'. Ясно, что мысль изготовителей пряслиц вращалась вокруг событий жизни общины, связанных с ритуальным календарем.

Изучение ритуального календаря — совсем особая задача, обремененная целым рядом сложных проблем. Не вдаваясь в детали, отметим здесь лишь некоторые необходимые для нашей цели предметы. Год уже тогда мог делиться на 12 лунных месяцев, хотя у римлян, сохранивших чрезвычайно архаичные календарные ритуалы, он еще в период республики состоял из десяти. Двенадцать месяцев, вероятно, делились на две группы, связанные с «летом» и «зимой» (это самое древнее деление). Но половины были неравные. Есть основания думать, что на «лето» (на весенние и летние месяцы) отводилось 7 месяцев, а на «зиму» (осенние и зимние) — 5. В очень архаичном и хорошо сохранившемся русском народном календаре зафиксировано именно такое деление⁶⁶, хотя оно далеко не отвечает климатическим особенностям Средней России. Календарь слагался в древности явно в южных областях.

Учитывая определение «семика» — как семи месяцев в годовом цикле — и остаток («пятик»?) — как пять месяцев ($12 - 7 = 5$), мы при сравнении этих двух половин невольно отделяем два месяца «семика» ($7 - 5$), как определенвшиеся: sag-га 'голову ударивший'. За «ненаполненными» месяцами в шумерском календаре с третьего месяца «семика» (и первого месяца «пятика») начинается знаменитый блок четырех месяцев-праздников (ezen), в шумерском календаре (^dinanna/^ddumu-zi, ^dsul-gi/^dli₈-si₄, ^dba-ú₂ и me-ki-gal) приходящихся на май — август. Так засекаются начало и конец и «семика» и «пятика» в годовом цикле.

Исходя из этих предпосылок, можно построить таблицу соотношения троянских и шумерских знаков.









троянские знаки в шумер. переводе	7 месяцев года	5 месяцев года	троянские знаки
	шумеро-вавилон. блок праздников	шумеро-вавилон. месяцы-праздники	
1. 𐎶 sag (усл. 'голова') —	—	—	—
2. 𐎶 ga 'бить' —	—	—	—
3. 𐎶 erim 'воин', 'враждебный'	ezen- ^d inanna ^d dumu-zi	1. máš ₂ -dà ₃ -kú ₂	+ maš
4. 𐎶 kù ₃ (du ₈ =kù ₃) 'серебро', 'Холм Серебра')	ezen ^d šul-gi	2. še-kin kud še- Π_2 -la	𐎶 še
5. 𐎶 du ₈ (apin-du ₈ -a) 'пробивание', 'шлуг-пробивание') (шлуг-пробивание')	ezen ^d li ₈ -si ₄	3. še.še-gur ₁₀	𐎶 𐎶 še.še
6. 𐎶 kúr ₂ (kúr ₂ ú ₂ -e) 'изменение в траве')	ezen ^d ba-ú ₂	4. gud bulug kú ₂	𐎶 buluh
7. 𐎶 si (amar-a-si) (gud- si- zu) 'бык-рог-знающий')	(ezen)- ^d dumu-zi	5. ezen ^d nin-a-zu	a

Из этого сопоставления следует, что в Трое II–V должен был существовать свой ритуальный календарь, семантические знаки которого сохранились на сосудах и пряслицах. Этот календарь выступает в определенном соотношении с шумеро-вавилонским⁹⁷, коль скоро названия праздников находятся в некоторой взаимозависимости. Обращают на себя внимание некоторые специальные моменты. Во-первых, в трех троянских месяцах группируются идеограммы «крестов» (kúr₂, si, maš). Они следуют после блока протошумерских праздников, связанных со сбором урожая и предшествующих «событиям в преисподней». Так, протошумерский праздник ezen-me-ki-gal 'праздник предписаний Великой Земли (= преисподней)', ассоциировавшийся с умиранием Думузи-Таммуза, приравнен во второй половине года, из 5 месяцев, к празднику 'поедания убитого быка', относимому к богу Ниназу. Первая половина года, из 7 месяцев, заканчивается праздником 'Быка, познавшего рога' (gud-si-zu), а половина из 5 месяцев — 'праздником Владычицы, знающей воду' (ezen-nin-a-zu). Он справлялся после того, как съедали 'убитого быка' (gud-bulug-kú₂).

Цикл напоминает архаичные празднества Масленицы, и ритуально логичны в нем после окончания 5 месяцев зимы два тяжелых месяца осенне-летней части. Первый обозначен понятиями 'голову разбивать' (sag-ga), впоследствии 'пленник', 'раб', 'слуга', где знак ga близок к si 'рог' и dūg₃ 'благо'. Возможно, последнее подразумевало 'половое благо', то есть несоб-

х — диместь вооружения убитого И, наконец, из двух «зерновых» месяцев в зимней пятичленной части еще не выделился «винный» месяц, будущий праславянский «винник»¹⁰⁷, шумерский *geštin-an-na (ср. — забегая вперед — палино № 84 — Каменной Могилы geš-tin-nun). Это не вполне логично в хозяйственном смысле, но логично в ритуальном, потому что с «винным» месяцем ассоциируется «всемирный потоп», равно как с симметрично противоположным ему праславянским «розовцветом»¹⁰⁸ — «всемирный пожар». Одним словом, две половины года, семимесячная и пятимесячная, заканчиваются мировыми катаклизмами: летняя — пожаром, зимняя — потопом¹⁰⁹. Любопытно взаимодействие двух моделей в древнем фольклоре. Так, у украинцев потоп прекращает петух с помощью виноградной лозы¹¹⁰. Ослабленные, едва различимые следы «пожара/потопа» заметны в названии третьего месяца в календаре шумерского города Ура. Это ú-bi₂-mušen₂-kú₂ 'сведение жар-птицы' или še-kár-ga-gál-la 'сгружение зерна на набережной'¹¹¹. Разумеется, троянский календарь, в семантику которого оказались включены древнейшие идеограммы, еще не дифференцирован.

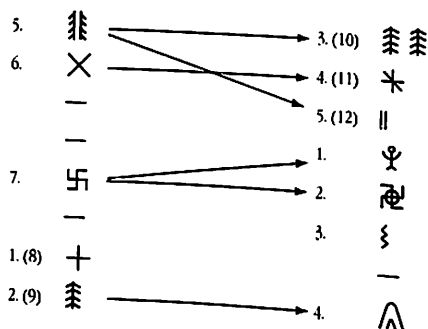
В оформленном виде встречаем эту древнюю систему ритуального года, состоящего из семи и пяти лунных месяцев, в Греции. Греческих локальных календарей¹¹² сохранилось много, около 160, но, к сожалению, все они чрезвычайно фрагментарны. Единственную полную и относительно неплохо реконструированную систему представляет собой аттический календарь¹¹³, который в конечном счете сводится к следующим колонкам:

5 месяцев года		7 месяцев года	
5	«Всемирный пожар» ( , du ₈)	3 (10)	Малые Дионисии ()
6	Малые Панафини ()	5 (12)	Малые Элевсинии ()
7	Великие Элевсинии ()	2	Великие Дионисии ()
8	Тесмофории ()	4	Скирофории ()

Сохранившийся древнегреческий календарь, с одной стороны, характерен наличием целого ряда «великих» и «малых» праздников, особенно относимых к двум главным божествам — Афине и Дионису¹⁰⁵. С ними же связывались и две части года — летняя и зимняя. Дионис господствовал весной и летом, Афина — осенью и зимой. «Великие» праздники были связаны в древности со смертью богов, «малые» — с их воскресением, и еще у поздних античных авторов понятие «великий» ассоциировалось с отсутствием¹⁰⁶. С другой стороны, в названиях древнегреческих праздников отразились две обрядовые тенденции — пошения священных объектов (имена на φόρια типа Скирофории 'Пожение зонтиков' или Осхофории 'Пожение виноградной лозы') и хранения их (праздничные имена на -τήρια — типа Ангестерии 'Хранение цветка'). По древнейшим праздникам — тήρια — типа Ангестерии 'Хранение цветка'. По древнейшим праздникам представляется, несомненно, ритуальная трапеза, с «поеданием» бывшего тотема, затем бога. Вероятно, на Тесмофориях поедали

‘козленка’ ($má\check{s}_2-dà_3-kú_2$) и ‘большого быка’ ($gud-bulug-kú_2$). На Скирофориях же, согласно античным свидетельствам, морская черепаха, наследница прежней улитки (um), подала сброшенные Скироном со скалы человеческие жертвы¹⁰⁷. Панафинеи и Малые Дионисии (соответственно июль/август и декабрь/январь) начинали собой две разные части года, но внутренняя их структура была изначально тождественна. С другой стороны, Великие Дионисии, судя по троянским пиктограммам, должны были соотноситься с Великими Элевсиниями (ср. знаки 𐀓 , 𐀔), но также коррелировать и с Малыми, с их «рождением в воде». В ходе дальнейшего развития Великие Дионисии выделились в особую ритуальную группу $sag-ra$ ‘голову разбивать’. Эту группу стали представлять «пустые» январь и февраль.

Таким образом, учитывая связь месяцев с «похожими» троянскими знаками, выстроим график расположения троянских пиктограмм по двум половинам года. И здесь заметна определенная ритуальная симметрия.



Против знака 𐀓 (du_8 ‘пробивать’) стоят взаимосвязанные 𐀓 ($\check{s}e.\check{s}e$ или sum ‘приносить (морем)’ и \parallel (а ‘вода’, ‘семья’). Против знака \times ($kú_2$ ‘изменить’), rab ‘предок-правитель’) стоит 𐀔 ($bulu\check{h}$ или $bulug$ ‘большой’, ‘разбивный’). Знак 𐀓 (si ‘рога’, ‘насыпать’) противостоит 𐀔 (ra ‘разбивать’); последний знак состоит из двух элементов: si ‘рог’ и \bigcirc , \diamond ($dü_3$ ‘половое благо’). Вместе они могут также означать ‘проникать’ рогом в вульву’. Знак блага, связанного с коитусом, \diamond , графически представлен и в 𐀕 ($erim$ ‘воин’, ‘враждебный’), поскольку он также состоит из двух элементов, 𐀕 (kud ‘судить’) и 𐀕 (kug ‘серебро’). Ритуальная комбинация именно этих знаков (𐀕 , 𐀕) составляет важнейшую лигатуру, встречаемую в пятимесячной части троянского года: 𐀕 $má\check{s}_2$ ‘козленок’ (оракул). Оракул, как известно, вещал в глубокой древности лишь в единственный день — наступления Нового года, на рубеже смены миропорядка. Поэтому можно полагать, что в троянском календаре этот знак также означает важный семантический рубеж.

Учитывая вышеизложенную «похожесть» знаков, как их взаимосвязь, мы определяем, что в протогреческой системе праздников, выявляемой на уровне Трои II—IV, образуется своеобразная ритуальная петля (∞), графически близкая шумерскому знаку um ‘улитка’, ‘табличка-палетка’:

⌘	du,	⌘	⌘	še,še (= sum)
×	kūr., pab	⌘	⌘	* buluh bulug
:		⌘	⌘	a
—		⌘	⌘	♀ a = sag
⌘	si	⌘	⌘	⌘ ra
⌘	+ maš	⌘	⌘	§ erim
⌘	še	⌘	⌘	∧ kug
		⌘	⌘	⌘ du,



Петля начинается в третьем месяце календаря, очевидно, близком к праславянскому мал-травню¹⁰⁸ и греческому Тартелиону, а также началу шумеро-вавилонского блока праздников ezen-^dinnana (= RI, ср. erim), ezen-^dsul-gi (ezen-^dli₁-si₂), ezen-^dba-ú₂ (блок охватывает 3-й, 4-й, 5-й месяцы года).

Между входом и выходом петли в троянской семимесячной части года стоят два «пустых» месяца, объединяемые идеограммой (sag-ra 'голову разбивать'). Очевидно, это так называемые вставные месяцы, которые так долго путали картину древнего года. В древнеегипетском календаре, наиболее точном из всех «доисторических», на их месте значатся лишь 5 вставных дней, которые, согласно мифам, бог Тот выиграл у Селены, богини Луны, при игре в шашки¹⁰⁹. Именно в эти дни родились 5 египетских богов: Гор Старший, Озирис и Сет, Изиды и Нефтида. В египетском языке эти дни именуются wrt-pwt 'новогодний праздник'¹¹⁰. В старой Европе и у славян это были двенадцатидневные «святки» — 12 дней «дикой охоты» богинь вроде германской Гольды и Бертхи, древнегреческой Артемиды-Гекаты или славянской Бабы-Яги. С этими днями также связывалось восхождение звезды špdt (Сириуса у греков, Соцдет у египтян), приуроченное к 19 июля современного календаря. В «новогодний праздник» заканчивалось губительное воздействие этой воинственной, страшной, раскаленной, красной или белой звезды. Очевидно, в древности, еще до солнечного и лунного календарей, когда счет времени вели по звездам, «новогодний праздник» был не зимним, а летним, и ассоциировался с восхождением Сириуса¹¹¹. Следы древнего ритуала сохранились не только в Египте, где именно при встрече Сириуса наблюдался «великий потоп» (разлив Нила), именно при встрече Сириуса и собирание частей его тела Изидой, но и в Греции. Встречу Сириуса ежегодно справляли на острове Кеос и в Афинах (Малые и Великие Панафиней)¹¹². Этот же календарный ритуал, согласно Гомеру, должен был иметь место и в древней Трое¹¹³. Троя могла быть древнейшей носительницей такой ритуально-календарной системы, и древнеегипетский годовой цикл мог быть predetermined еще на троянском уровне (сер. IV тыс. до н. э.)¹¹⁴. Можно даже полагать, что не географические условия разлива Нила в середине лета обусловили формирование египетской системы праздников, а напротив, поведение Нила предредило оседание протоегиптян в тех местах. То есть ритуальная система могла predetermined хозяйственную жизнь.

Итак, анализ идеограмм на троянских пряслицах и сосудах показал нам, что в Трое II–IV было известно протошумерское письмо. Оно, по-видимому, сменило бытовавшее в Трое I протоэламское, следы которого, хотя и не вполне отчетливые, все-таки прослеживаются. Очень важно, что письменные знаки отразились именно в ритуально-праздничной системе, в календарном цикле. Троянский календарь, хотя нами здесь очерчены лишь самые общие его черты, можно считать вполне сложившимся, самостоятельным. Любопытно, что он выдает глубинное родство с позднейшими древнеегипетской и греческой календарными системами. Это могло означать, что до оседания в Египте и в Греции носители этих ритуальных знаний какое-то время пребывали в Трое. Троя II–IV формирует собственную культуру, которая дифференцируется от праславянской, выросшей с ней из общих корней (о чем свидетельствует тот же ритуальный календарь)¹¹⁵, но пользуется все еще древним протошумерским письмом, как, очевидно, и праславянская. Мы видим живой процесс отпочкования культуры и письма на почве Малой Азии, но, к сожалению, оставшихся идеографических знаков слишком мало для построения в данный момент более фундаментальных гипотез.

3. Протошумерская письменность балкано-дунайского региона в VI–IV тыс. до н. э.

В свое время — 40 лет назад — открытие протошумерского письма в Подунавье представлялось столь невероятным, что ученых, причастных к этому загадочному делу, лишали академических званий¹¹⁶. Древнейшие знаки дасильвания, на территории которых в древности процветала культура Кёррёш¹¹⁷. Здесь и в соседней Тэртрии, центре культуры Тордаш¹¹⁸, судя по надписям, сформировался целый ряд культов, отмеченных присутствием шумерских богов, жрецов, ритуалов. Так, явственно вырисовывается культ Куллы, бога кирпича (^dsig₄ = ^dkulla ‘кирпич’), одного из вариантов бога небес Ураша, аналога греческого Гелиоса-Аполлона. В надписях фигурируют также ‘жрец’ (sanga) ‘Аратты’ (LAM x kur), а Аратта — древнее имя пресидней и прародины шумеров. Кроме того, упоминается культ неких ‘убирых’ (ug₆), а также ‘разум имеющий’ ‘жрец’ бога ^dŠA (= ^dusmu, будущего визиря бога Энки) и ритуал его ‘сжигания’ (kára₂ — 10¹¹⁹). Ясно, что уже перечисленные данные имеют огромный интерес для понимания генезиса шумерской культуры.

Древнейшая надпись обнаружена на глиняном пинтадере¹²⁰, печати-матрице для росписи тканей или нанесения татуировок. Приведем транскрипцию и перевод текста этой (№ 1) и некоторых других надписей из Кёррёша и Тордаша:

- 1 sanga LAM x kur-ru (= Aratta) udu dīb, a-kud 'Перво-священник (из) Аратты овцу схватил (согласно) Суду Воды'.
- 2 rab-ēš, rab-PI kulla(?) diš-tar 'Старейшина святилища, старейшина разума Куллы(?) (и) Диштар'.
- 3 mušen, ga-lu-mu zu, līl, lulim, ur-idim 'Птица, ягненок знаний, (дух) дилла, теленок, собака (убитых)'.
- 4 māš, -bād, éren, -éren, 'Козленок Крепости воинов'.
- 5 e-sanga-uraš guz-me 10 + 10 + 10 + 10 (или 9 x 10) 'Канал первосвященника Ураша, кирпич предопределения 40 (или 90) или 'Водоем первосвященника бога небес разбит (по) предопределению 90'.
- 6 40 nun-ka-ša-pi-ug, kára, -10 '40-е княжение. По указу (бога) Усму (Шауэ) старейшина ритуала мертвых сожжен. Это 10 (-я жертва)'.

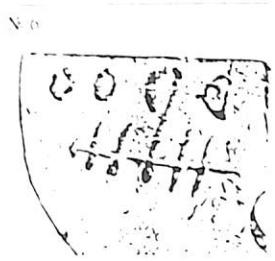
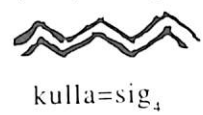


Пиктодер из Кереша с протошумерской надписью

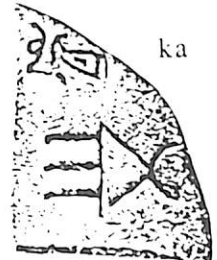


Затем, во второй половине V тыс. до н. э., на территории носителей культуры Альфёльд-Шукоро-Желиз (4400–4005 гг. до н. э.), Тордаш (до 4295 г.) и Бичке (4100–4000 гг.) появляются надписи, преимущественно на сосудах, свидетельствующие о борьбе из-за 'зерна ячменя' (še) западных племен, почитавших Куллу (^dkulla = sig₄, guz), и восточных, почитавших богиню Ишхару (SAL x éren₂ = ^dišhara). Появились понятия 'раб плуга Страны' (на табличках восточных областей) и 'воин Стены', 'пшеница Стены' (в надписках восточных областей). Возникают имена знаменитых шумерских богов — Ана, или Ану (бога неба), Энлиля (бога ветра, грозы), Намтара (бога судьбы). Прослеживаются элементы культа 'благородного тростника' и ритуала литья бронзы (ср. zabar 'бронза'). Приведем наиболее показательные надписи¹²¹:

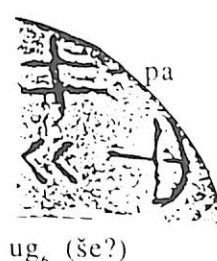
- 1 árad, -arín-kalam 'раб плуга Страны'.
- 2 SAL x dūg, -še-kulla '(Богиня) Сальдуг — (из-за) зерна Куллы'.
- 3 nimgir-kulla 'глашатай Куллы'.
- 4 men-sum 'нести корону'.
- 5 še-gal 'ячмень великих'.



40 nun



ka



ša



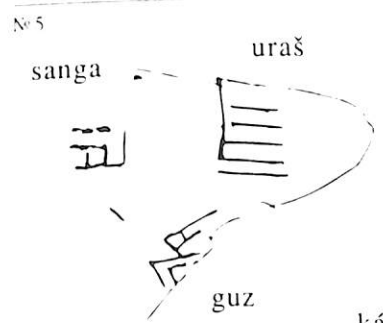
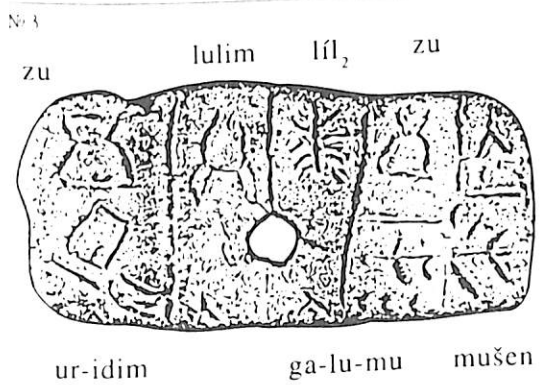
pa

pi

ug, (še?)

kára,

10

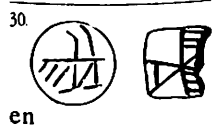
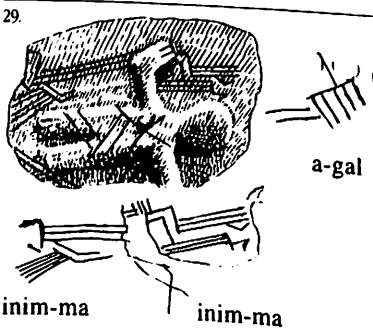
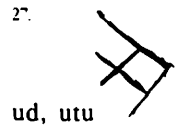
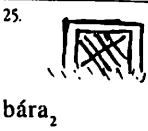
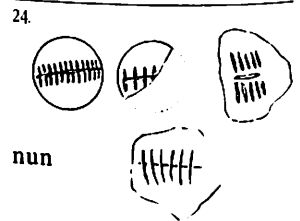
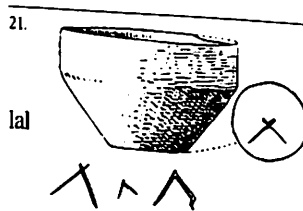
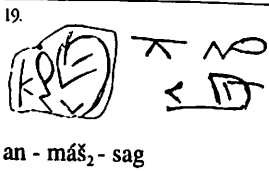
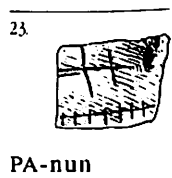
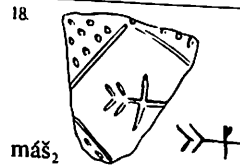
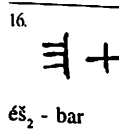
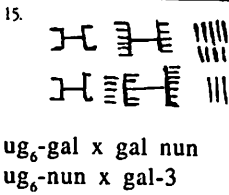
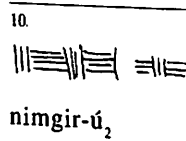
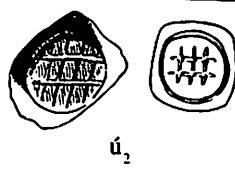
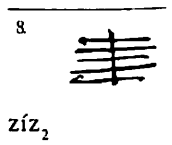
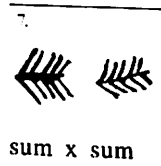
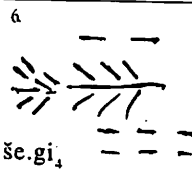
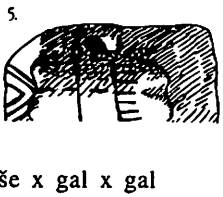
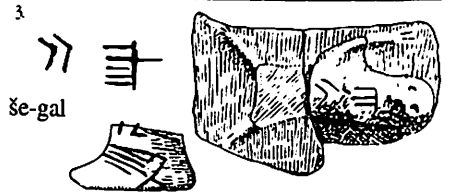
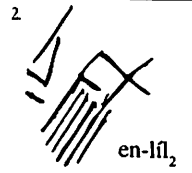
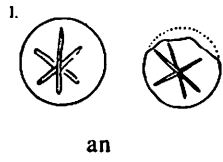


№ 5

sanga

uraš

guz



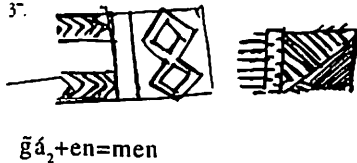
Все вышеприведенные надписи найдены в северном Подунавье и в его северо-западных районах. Кроме них есть целый ряд кратких надписей, найденных в юнее этих и относящихся преимущественно к культуре Тордаш в Трансильвании. В сводке, сделанной Мартоном Рошка¹²², числятся следующие надписи:

- 1 an 'небо', '(бог) Ан', или 'Ану' (Roška, CXXXI, 26, 27);
- 2 en-lil 'владыка ветра', '(бог) Эндиль' (CXL, 26, 27);
- 3 še-gal 'зерно великих' (CXL, 7);
- 4 še-še-še-še-še 'зерна ячменя' (Cl, II, 9, 16, 13);
- 5 še-gal-gal 'зерна великих-превеликих' (CXXI, 21);
- 6 še-gi₂ 'зерно, возвращенное (Эндилем)' (CXXI, 17);
- 7 sum x sum 'принесенное' (слук-порей) (CXXXVI, 4);
- 8 ziz₂ 'пшеница' (CXXXVI, 5);
- 9 ú₂ 'трава' (LXXXVI, 4; XC, II, CXXXV, 4; CXXXIV, 45);
- 10 nimgir-ú₂ 'глашатай травы' (CVI);
- 11 nimgir x kulla 'глашатай Кулды' (CIV, 5);
- 12 nimgir x kulla-gal-bar-kug(?) 'глашатаев Кулды великий определяет (по) серебру' (XCII, 20);
- 13 Kulla (= lumma) 'Кулла', 'дракон' (XXXVII, 6; XCIII, 5; CXXVII, 16–18);
- 14 ug₆, idim 'убитый', 'глубинный' (CXXXII, 6; CXXXVI, 10; CXI, 6);
- 15 ug₆-gal x gal nun.ug₆-nun x gal-3 'убитых великих-превеликих (и) убитый мудрец — трое' (XCII, 12);
- 16 éš₂-bar 'веревка определяет (решение)' (CXXXVI, 7);
- 17 èš₃-kud-bir₃-kud PI diš-tar 'святилище суда воинов разума Дништар' (Археология Венгрии, М., 1980, С. 97, рис. 49);
- 18 máš₂ (še + bar) 'козленок' (CVIII, 6);
- 19 an-máš₂-sag 'Ану — (это) козленка голова' ('первейший') (CXXXVI, 12);
- 20 rab, kúr₂ 'предок-правитель' (CXXI, 41–46; 32–39);
- 21 lal 'связывать' (XC, 1; XCIII, 9; CXXXIII, 14, 15; CXXXI, 21–23);
- 22 ugula 'крыло', 'ветвь', 'старейшина' (CXXXI, 28, 40; CXXXIV, 27);
- 23 RA-nun 'крыло Царицы (преисподней)' (CIV, 11);
- 24 nun 'царица' (CXXXVI, 8; CXXXV, 15, 16; CXXXIII, 21);
- 25 bára₂ 'огненное святилище-дворец' (CIV, 11);
- 26 bára₂-nam-tar 'святилище Судьбы (= Намтара)' (CX, 12; CX, 2);
- 27 utu, ud 'солнце', '(бог) Уту' (CXIII, 6);
- 28 ud-inim-ma-bar (вместо ud.KA-bar = zabar) 'бронза' = 'солнце (в) заклатье (слово) решает' (LXXXVII, 2);
- 29 [x]-inim-ma [a]-inim-ma a-gal [x] '(в) бронзе(?) бронза(?) — вода великих' (CXII, 6);
- 30 en... 'владыка...' (CXXXIX, 13); 'владыка' (CXXXIV, 26);
- 31 še-diš utu-tab₃ 'зерно первое Уту держит' (CXXXIX, 11);
- 32 nunuz-búlug₂-áš₂ 'яйцо разбитое — (это) проклятье' (CIV, 13);
- 33 kalam-ma 'в Стране' (CX, 13);

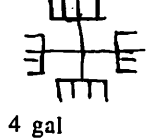
35.



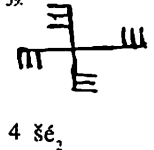
37.



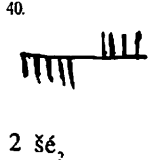
38.



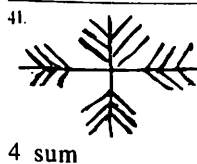
39.



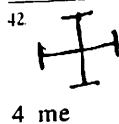
40.



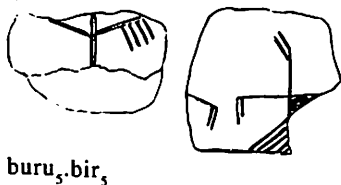
41.



42.



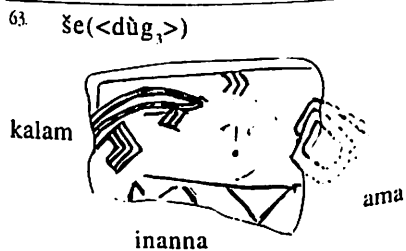
43.



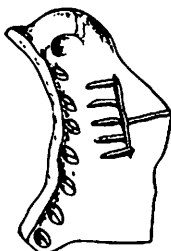
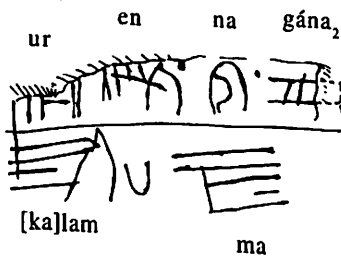
47.



63.

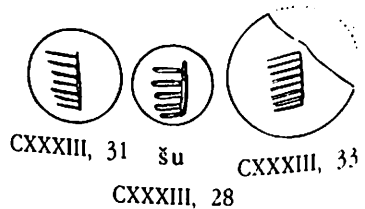
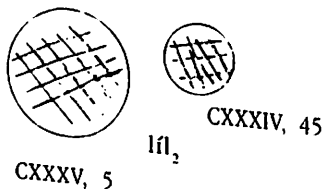
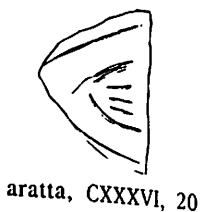
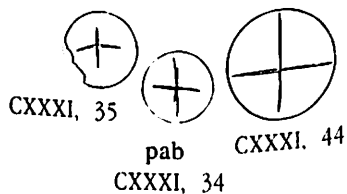
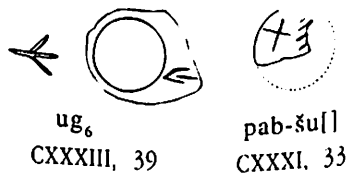


12. (c. 54)



- 1. ur-en-na-gána₂
- 2. [ka]lam-ma






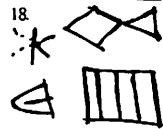

Археология
Венгрии. М., 1980,
рис. 180, 1



- 81 kalam-ma(?)-sig₂ 'кирпич Страны' (CXXI, 5);
 82 kalam-ma-še-še 'зерна ячменя Страны' (XCIX, 4; XCIII, 13, 15);
 83 alal 'сосуд' (CX, 5);
 84 men (= ga₁ + en) 'корона' (LXXVII, 12);
 85 4 x gal '4 великих' (CXXXII, 8);
 86 4 x še₂ '4 веревки' (CXXXII, 9);
 87 2 x še₂ '2 веревки' (CXXXIV, 5, 3);
 88 4 x sum '4 лука-несения' (CXXII, 19);
 89 4 x me '4 предопределения' (CXXXII, 3, 4-5);
 90 buru₂-bir₂ 'птица (смерти)' (CXXXVI, 9);
 91 kulla-eden(?) 'Кулла Стены(?)' (XCIX, 12);
 92 nun-bar 'царица определяющая' (CXXXV, 33);
 93 rab-diš 'предок первый' (CXXXV, 34);
 94 dīb₂-dīb₂ 'хватать' (CXXXV, 35);
 95 nu 'имя', 'год' (CXXXV, 15);
 96 gi₂ 'вернуть' (CXXXV, 17);
 97 nun.nun 'царица Эриду' (CXXXV, 18);
 98 éren₂ 'воин' (CXXXV, 7, 10);
 99 dumu 'сын' (CXXXV, 8);
 100 búlug₂-dím₂ 'разбивать', 'стронуть' (CXXXV, 9; XCV, 15);
 101 é₂ 'храм', 'дом' (CXXXV, 2);
 102 áš₂ 'проклятие' (CXXXV, 12);
 103 še 'ячмень' (CXXXIV, 39, 41);
 104 sum 'нести' (CXXXIV, 38);
 105 na 'камень' (CXXXIV, 13);
 106 éš₂ 'веревка' (CXXXIII, 20, 22-24, 26-34, 40);
 107 ku x ku 'два змея' (CXXXVI, 11);
 108 7 x ḫumun (= ku)-dīb₂-dīb₂-ku '7 Хумун(-Сару) схватившие...' (CX, 9);
 109 si 'пробивать рогом' (CXXXI, 24, 25);
 110 inanna[ama]-kalam-[dùg₃] / še 'Инанна — мать Страны Благой / зерна' (Kalicz, Makka, 1972, S. 13-15) и т. д.

Приведенные надписи, выделенные из 123 начертаний, зафиксированных на сосудах культуры Тордаш (4295–4220 гг. до н. э.), — далеко не полный свод того, что обнаружено на сосудах, хранящихся ныне в Клужском музее в Румынии¹²³. В моем личном собрании их больше, и не все до конца прочтены. Интересно, что эти «южные» надписи, число которых более значительно, чем «северных» (62 : 12), свидетельствуют также об отправлении культа протошумерских богов — Ану, Уту, Инанны, Энлиля, Намтара, а также архаичного Куллы, бога кирпича, и его «глашатая травы». Теперь уже глубоко укоренился культ зерна — «ячменя Страны», который охраняют «великие» — боги и демоны преисподней. Уже существует пшеница. И, что немаловажно, значительно дифференцирован спектр должностных лиц: rab ('предок-правильно дифференцирован'), nimgir ('глашатай'), nun.gal ('мудрец') и др. Отчетливо видны различия 'святилища' (bága₂) и 'храма' (é₂). Религиозно-культурная жизнь пребывала в данное время на весьма высокой степени ее развития.

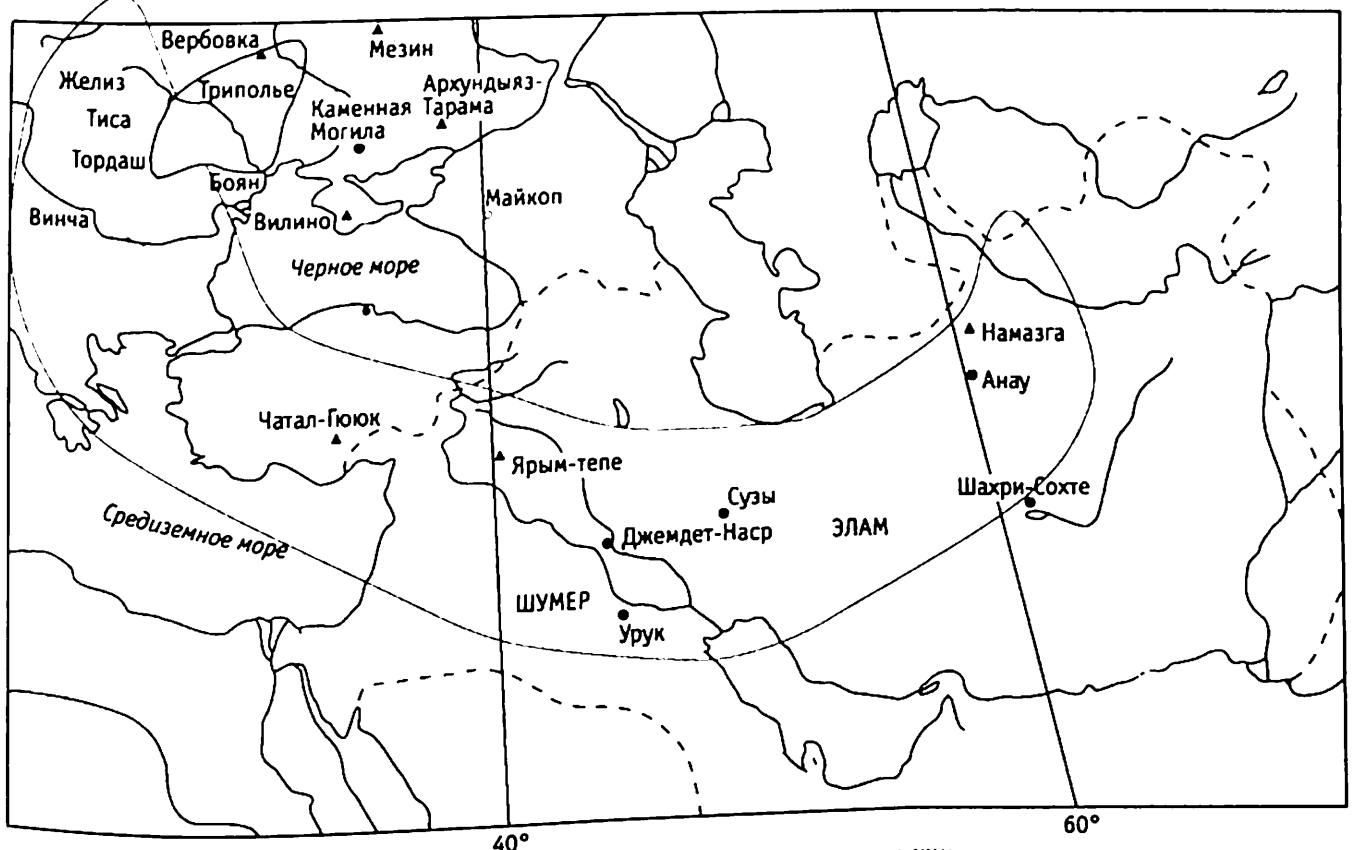
Третья группа, уже балкано-дунайских надписей, — самая поздняя. Она датируется началом IV тыс. до н. э. и принадлежит культуре Сакалхат-Тисса (ок. 4200–3800 гг. до н. э.). Если предыдущая группа происходила в основном из Трансильвании, центрального Подунавья, то настоящая — из его юго-восточного района. К ней примыкают знаки из Луки Врублевцевкой. Приведем здесь 20 наиболее значительных текстов¹²⁴, повествующих о возникновении 'пшеницы Степи' и возрождении древнего культа 'благого тростника' (gi-dùg₃).

- | | |
|--|--|
| <p>•</p> <p>14. </p> <p>utu-še-df₂</p> <p>15. </p> <p>SAR x dùg₃</p> <p>16. </p> <p>dùg₃ x ug₆</p> <p>17. </p> <p>ziz₃, sardiš</p> <p>17. </p> <p>inanna x inanna</p> <p>18. </p> <p>[AN] gír₂-su+é₂</p> <p>19. </p> <p>dùg₃ x ku₆</p> | <ol style="list-style-type: none"> 1. ziz₂-eden 'пшеница Степи'; 2. sal x éren₂-eden 'женщина Воинов Степи'; 3. sal x éren₂-eden-gal éren₂-éren₂-bára₂-gibil alal 'женщина Воинов Степи возвеличила воинов святилища огня, не дав выйти (alal) (из) святилища'; 4. eden x sal x éren₂-gal gi-dùg₃ 'женщина Воинов Степи возвеличила (= сожгла) Благой Тростник'; 5. síki₂-síki₂-é₂-éren₂ kulla-df₂ 'шерсть Храма Воинов Кулла схватил'; 6. gána₂-5 al-2 gub '(на) 5 (зерновых) полях 2 мотыги установлены'. Эта и последующие надписи происходят с территории Румынии и относятся к культуре Прекукутени (IV–III тыс. до н. э.); 7. x-ud-inim-ma-bar 'бронза'; 8. f₂ tukul-df₂ '(в) грохоте оружие схвативший'; 9. ud-SAR x ug₅ di 'суд Солнца (над) всеми убитыми'; 10. 2 x éš₂-tab kulla 'святилище близнецов Куллы'; 11. zu-ininanna-tab 'знание близнецов Инанны'; 12. ur-en-na gána₂// [ka]lam-ma 'потомок Владыки — (это) поле Страны'; 13. utu-giš-gub// utu úr₂-lal dùg₃/.../... al-bi₃ 'Уту древо установил// Уту связал основу — (это) благо// ... мотыга связки (змей)'; 14. utu-še-df₂ 'Уту зерно схватил'; 15. SAR x dùg₃ '(половое) благо всех'; 16. dùg₃ x ug₆ = utú₂ '(половое) благо (для) убитых (или пас. зырей, жрецов заупокойного культа)'; 17. ziz₃ 'крот', возможно, zinanutu 'душа (живого существа)' или sardiš 'множество, 3600' — на ягодицах статуэтки; inanna x inanna — на нижней части женской фигурки, на обеих ягодицах; sum 'давать' — на ногах; še 'зерно' — на спине; 18. [dingir] gír₂-su é₂ 'храм бога Гирсу' — на ягодицах статуэтки; 19. dùg₃ x ku₆ '(половое) благо — (это) рыба'; inanna — дважды (= ^dlabatum) на бедрах; še 'зерно ячменя' — дважды ниже бедер; 20. kulla-éren₂ 'Кулла воинов'. |
|--|--|

Таким образом, практически все надписи, исходя из сегодняшних возможностей их интерпретации, относятся к сфере культа-ритуала в со-ответствии с предметами, на которых они нарисованы и начертаны. Важнейшие понятия концентрируются вокруг богов и совершаемых в их честь кульгов. Но любопытно следующее обстоятельство. Балкано-дунайские

¹²⁴ Все рисунки взяты из: С. Н. Бибики. Поселение Лука Врублевцевкая (МИА, № 38). М., 1953. с. 385-386

ТАБЛИЦА 7

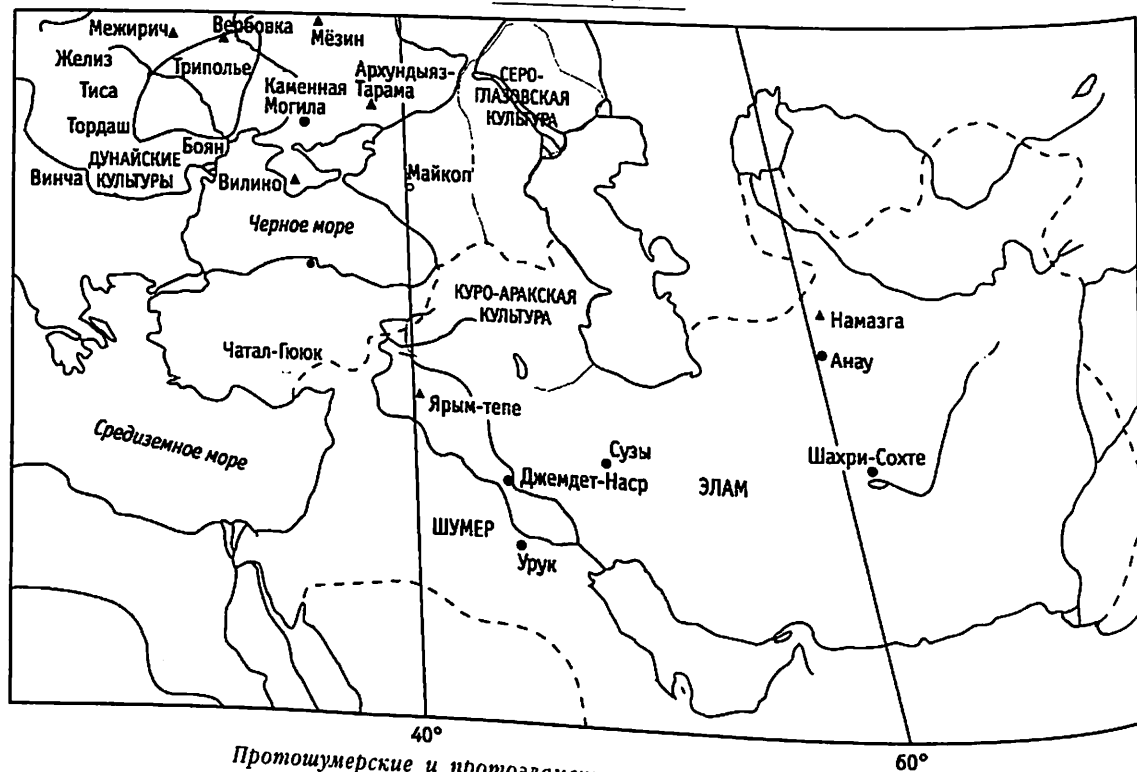


Каменная Могила и «полумесяц» письменности

надписи VI–IV тыс. до н. э., как явствовало из разграничения трех хронологических групп, нисходят постепенно из северных и северо-западных областей к южным и юго-восточным. С территории культуры Кереш (север) они постепенно переходят на северо-запад (Альфёльд) и к центру Трансильвании (Тордаш, Тэртэрия). Затем они спускаются на юго-восток в Русильванию (Гелешти) и Болгарию. Вместе с тем археологические данные говорят о движении переселенцев из Малой Азии в прямо противоположном направлении — с юго-востока, из Мерсина (VI тыс. до н. э.), до северо-запада, локализованного в районах Старчево-Кереш (ок. сер. V тыс. до н. э.)¹²⁵. Вторая юго-восточная волна, из Хаджилара I, двигалась в Трансильванию (Тордаш) начиная с культуры Винча (ок. сер. V тыс. до н. э.)¹²⁶. И, наконец, третья волна, шедшая через греческие центры Димини-Одзаки на север, в Сакалхатты, закончилась в начале IV тыс. до н. э.¹²⁷

Не вдаваясь в подробности сложного миграционного процесса, отметим лишь, что основной маршрут переселения из Малой Азии на Балканы и в Подунавье не мог быть связан с распространением письменности. Напротив, она «спускалась» к югу из северо-западных областей. Следовательно, переселенцы из Малой Азии эту письменность с собой принести не могли. Тогда откуда же она взялась? Письменность эта представлена

ТАБЛИЦА 8



Протошумерские и протоэламские культуры VI–IV тыс. до н. э.

одиночными памятниками, надписями на сосудах и статуэтках; она не имеет своего архива и, как кажется, вообще отсутствует центр, из которого бы она исходила. Она выглядит каким-то периферийным явлением, оторванным от своих корней. Вместе с тем загадочна редкостная древность ранних надписей (VI тыс. до н. э.), существовавших задолго до появления письменности в Шумере (нач. III тыс. до н. э.), прославленном очаге цивилизации.

Если принять во внимание все древнейшие районы проявления письменных знаков — от Намазги на востоке, Элама на юге, Трои II–IV на юго-западе, Кереш-Тордаш на западе — то окажется, что все они имеют отношение к протошумерскому письму, именуемому так по его близости к шумерскому, но зафиксированному на гораздо более архаичных ступенях развития. Письменность такого типа была идеографической с вкраплением знаков-символов и едва намечающейся фиксацией генитива — родительного падежа. В устной речи, возможно, присутствовали также дательный и исходный. Переменные знаки только начинали вводиться. Ни о силлабическом письме, возникшем лишь во II тыс. до н. э., ни тем более об алфавитном, возникшем в I тыс. до н. э., здесь речи быть не может. Многие знаки-символы существуют еще на уровне пиктограмм, они имеют неустоявшуюся фор-

му и чрезвычайно архаичное начертание. Балкано-дунайские надписи во многом как бы случайны, в эламских и намазгинских намечается формирование собственной языковой структуры, в троянских письменах уже вырисовывается такое фундаментальное явление, как ритуальный годичный цикл. Все означенные территории проявления архаических письмен тяготеют к некоему, пока неизвестному центру, который мог быть источником их происхождения. Такой центр можно искать условно в срединной зоне этого огромного географического пространства — полумесяца (табл. 7). Именно здесь находится единственное известное сейчас грандиозное святилище с собственным письменным архивом. Это и есть Каменная Могила в Приазовской степи, равно удаленная как от Средней Азии, так и от Балкан и Подунавья, а также от малоазийского прото-Элама. Пока нет других источников, Каменную Могилу априори можно считать древнейшим архивом древнейшего в мире письма (табл. 8).